

XXXVII годъ изданія.

XXXVII годъ изданія.

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

28 Января 1913 года.

Тверской кафедральный соборъ.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМЪ.

Годовая цѣна:

Безъ пересылки 4 р. 50 к.

Съ пересылкою 5 р. 50 к.

№ 5.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Епархіальныхъ Вѣдомостей и у
мѣстныхъ благочинныхъ.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Рукоположены: во священника къ церкви села Ивановскаго-Ярильцева, Старицкаго уѣзда, учитель Усадбинской земской школы, Зубовскаго уѣзда, *Владиміръ Измайловъ*, 21 января; во діакона, съ оставленіемъ на псаломщической вакансіи, псаломщикъ церкви села Сабурова, Бѣжецкаго уѣзда, *Константинъ Коллежскій*, 13 января.

Перемѣщены, согласно прошенію: на священническую вакансію къ Сергіевской церкви гор. Твери священникъ погоста Бѣжиць, Бѣжецкаго уѣзда, *Александръ Москвинъ*, 21 января; на штатную діаконскую вакансію къ церкви села Любегощи, Весьегонскаго уѣзда, діаконъ церкви села Иверовскаго, Старицкаго уѣзда, *Николай Казанскій*, 16-го января; къ Спасской церкви г. Кашина діаконъ на псаломщической вакансіи Симеоновской церкви г. Старицы *Михаилъ Ждановъ*, 22 января; на псаломщическую вакансію: къ Воскресенской церкви г. Осташкова псаломщикъ церкви с. Черныхъ Ручьевъ, Вышневолоцкаго у., *Николай Соколовъ*, 18 января; къ церкви села Сергіевскаго, Новоторжскаго уѣзда, псаломщикъ погоста Медвѣжьей Горы, Бѣжецкаго уѣзда, *Борисъ Архангельскій*, 21 января; къ Симеоновской церкви г. Старицы, псаломщикъ, въ санѣ діакона, церкви села Дмитровской Горы, Корчевскаго уѣзда, *Іоаннъ Честной*, 22-го января; къ церкви села Дмитровской Горы, Корчевскаго уѣзда, псаломщикъ Спасской церкви г. Кашина *Димитрій Троицкій*, 22 января; для пользы службы: къ церкви села Романцева, Калязинскаго уѣзда, священникъ церкви села Воснова, Бѣжецкаго уѣзда, *Илія Титовъ*, 22 января; къ церкви села Завидова, Ржевскаго

уѣзда, псаломщикъ села Михайлова, Весъегонскаго уѣзда, *Аркадій Волословскій*, 21 Января.

Допущены къ исп. об. псаломщиковъ: при церкви Старицкой городской богадѣльни послушникъ Николо-Малицкаго монастыря *Елеазаръ Шестаковъ*, 23 января; при церкви села Локотцовъ, Новоторжскаго уѣзда, Новоторжскій мѣшанинъ *Димитрій Мальковъ*, 18 января.

Назначены, согласно прошенію, и. д. псаломщиковъ: къ церкви села Новаго, Бѣжецкаго уѣзда, послушникъ Тверскаго Успенскаго Отроча монастыря *Александръ Смирновъ*, 21 января; къ церкви села Михайлова, Весъегонскаго уѣзда, послушникъ Успенскаго Отроча монастыря *Анатолій Введенскій*, 21 января; къ церкви села Топальскаго, Вышневолоцкаго уѣзда, послушникъ Успенскаго Отроча монастыря *Петръ Румянцевъ*, 18 января; къ церкви села Рычманова, Весъегонскаго уѣзда, временно и. об. псаломщика при церкви села Сурушина, Новоторжскаго уѣзда, *Леонидъ Успенскій*, 16 января.

Зачислена діаконская вакансія при церкви села Иверовскаго, Старицкаго уѣзда, за псаломщикомъ церкви села Перетерья, Кашинскаго уѣзда, *Иваномъ Звѣревымъ*, 16 января.

Временно командированъ, согласно прошенію, для исп. об. псаломщика при церкви села Медвѣжьей Горы, Бѣжецкаго уѣзда, послушникъ Успенскаго Отроча монастыря *Аристархъ Предтеченскій*, 14 января.

Утверждены въ должностяхъ псаломщиковъ и. д. псаломщиковъ: Зосимовской церкви г. Краснаго Холма *Николай Пухлимскій*; села Хабоцкаго, Весъегонскаго уѣзда, *Виталій Москвинъ*, 21 января; погоста Стержь, Осташковскаго уѣзда, *Яковъ Чурилинъ*, 22 января.

Посвященъ въ стихарь псаломщикъ погоста Христо-рожденственскаго, что подъ Кушалинымъ, Тверскаго уѣзда, *Григорій Шмелевъ*, 23 декабря.

Уволены за штатъ, согласно прошенію: протоіерей Сергіевской церкви гор. Твери *Іоаннъ Петропавловскій*, 16 января; діаконъ церкви села Любегощи, Весъегонскаго уѣзда, *Алексій Роговъ*, 16 января; и. д. псаломщиковъ: церкви села Рычманова, Весъегонскаго уѣзда, *Василій Волковъ*, 16 января; села Завидова, Ржевскаго уѣзда, *Арсеній Ершовъ*, 19 января.

Исключается изъ списковъ, за смертію, псаломщикъ церкви села Новаго, Бѣжецкаго уѣзда, *Іванъ Свитушковъ*, 13 января.

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства, отъ 20—23 ноября 1912 г., сотрудникъ духовнаго слѣдователя 4 округа Корчевскаго уѣзда священникъ села Стоянца Владиміръ Лебедевъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, а на мѣсто его сотрудникомъ назначенъ священникъ села Ивановскаго Іоаннъ Никольскій.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 11-го января с—г. за № 288, священникъ с. Ивановскаго Іоаннъ Никольскій назначенъ духовнымъ слѣдователемъ 4 округа Корчевскаго уѣзда, а сотрудникомъ къ нему священникъ села Харитонова Іоаннъ Успенскій.

Сотрудникомъ духовнаго слѣдователя 1 округа Бѣжецкаго уѣзда резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 15 января с—г. за № 360, назначенъ священникъ Спасской кладбищенской церкви г. Бѣжецка Леонидъ Троицкій.

Духовнымъ слѣдователемъ 1 округа Бѣжецкаго уѣзда резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 29 ноября

1912 года, назначенъ священникъ Бѣжецкаго Благовѣщенскаго женскаго монастыря Николай Срѣтенскій.

Преподано Архипастырское благословеніе: 1) Крестьянамъ—села Стараго, Вышневолоцкаго уѣзда, Петру Лукьянову Шмелеву, дер. Бѣляхтина Сергѣю Карпову и до вѣренному лѣсными дачами Т-ва Прохорова кр-ну Ивану Васильеву Кобзику за пожертвованія ими въ церковь погоста Старопасонскаго, Вышневолоцкаго уѣзда, первымъ—живописной иконы Святой Великомученицы Параскевы въ кіотѣ, стоимостію 200 р., вторымъ—иконы Св. Преподобнаго Макарія Унженскаго Чудотворца, стоимостію 50 р., и третьимъ—2-хъ ковровъ въ два придѣла, стоимостію 70 руб.; 2) Крестьянамъ дер. Теплина, Осташковскаго уѣзда, Сергѣю Алексѣеву, Ивану Ѳомину и дер. Бродъ, того же уѣзда, Ивану Акимову за пожертвованія ими на построеніе новаго каменнаго храма въ погостѣ Ширковѣ, Осташковскаго уѣзда, первымъ 500 руб., вторымъ—300 руб. и третьимъ 300 руб.; 3) Коллежскому регистратору Ѳедору Орлову за пожертвованіе имъ во Власьевскую церковь г. Торжка денегъ 100 рублей.

Отъ Совѣта Тверскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Совѣтъ Тверскаго епархіальнаго женскаго училища доводитъ до свѣдѣнія родителей, родственниковъ, опекуновъ и опекуншъ воспитанницъ Тверскаго епархіальнаго женскаго училища, что, согласно протоколу Тверскаго епархіальнаго Съѣзда духовенства, за № 32, отъ 18-го декабря 1912 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 19 декабря того же года, плата за содержаніе воспитанницъ въ общежитіи училища увеличивается на 15 руб. въ годъ противъ прежней платы. А потому за 2-е полугодіе 1912—13 учебнаго года взносъ платы

увеличивается на 7 руб. 50 коп., т. е., пансіонерки должны внести плату за содержаніе ихъ въ общежитіи училища за 3-ю и 4-ю четверти настоящаго учебнаго года—духовныя не 60 руб., а 67 р. 50 к., инословныя не 80 р., а 87 р. 50 к.; полупансіонерки—не 46 р., а 53 р. 50 коп.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

1) при церкви погоста Благовѣщенскаго, что при рѣкѣ Осугѣ; 2) при церкви села Сурушина, Новоторжскаго уѣзда; 3) при Единовѣрческой церкви въ деревнѣ Бѣликовѣ, Зубцовскаго уѣзда; 4) при церкви села Толмачей, Бѣжецкаго уѣзда; 5) при церкви села Андреевскаго, Осташковскаго уѣзда; 6) при церкви села Восново, Бѣжецкаго уѣзда; 7) при церкви погоста Бѣжицы, Бѣжецкаго уѣзда.

Діаконскія:

1) при церкви села Плосскаго, -Новоторжскаго уѣзда; 2) при церкви села Покровскаго Новостанскаго, Вышневолоцкаго уѣзда.

Псаломщическое

1) при Покровской церкви города Ржева.

Содержаніе части оффиціальной: Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Отъ Совѣта Тверскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Вакантныя мѣста.

Редакторъ священникъ М. Любскій.

Печатать дозволяется. 28 января 1913 года. Цензоръ инспекторъ семинаріи Н. Онтлигъ.

Печатано въ Типографіи Н. М. Родіонова въ Твери, премн. М. В. Блиновъ.
Трехсвятская улица, домъ В. М. Шиканова.

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно по понедѣльникамъ.

28 Января 1913 года.

№ 5.

Годъ тридцать седьмой.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Предсоборное совѣщаніе Св. Синода.

22 января, въ 11 ч. утра, состоялось первое въ новомъ году засѣданіе Высочайше утвержденнаго при Св. Синодѣ предсоборнаго совѣщанія, подъ предѣдательствомъ архіея. финляндскаго Сергія. Участвовали въ совѣщаніи: митроп. московскій Макарій, архіепископы — вольинскій Антоній, владивостокскій Евсевій, гродненскій Михаилъ, епископы — Никонъ, Агапитъ екатеринославскій, Владиміръ омскій, оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ, товарищъ его П. С. Даманскій, управляющій синодал. канцеляріей П. В. Гурьевъ, члены совѣщанія — прот. Буткевичъ, проф. Соколовъ, С. Г. Рункевичъ, члены дѣлопроизводители — В. М. Скворцовъ, оберъ-секретарь сун. канцеляріи Смердынскій, кн. Шаховской, секретари — Соколовъ, Введенскій, Судницынъ. Главнымъ предметомъ обсужденія совѣщанія былъ вопросъ о порядкѣ избранія всероссійскаго патріарха.

Совѣщаніе заслушало проектъ архіеп. Сергія, справку С. Г. Рункевича о порядкѣ избранія перваго русскаго патріарха, сообщеніе проф. Соколова о дѣйствующемъ нынѣ порядкѣ избранія патріарха въ константинопольской церкви, а также о быломъ порядкѣ избранія патріарховъ въ византійской церкви.

Въ церкви Константинопольской въ первой стадіи избранія нынѣ участвуетъ церковно-народное собраніе, состоящее изъ архипастырей и представителей отъ клира и мірянъ. Здѣсь на 1 засѣданіи намѣчаются кандидаты и составляется списокъ таковыхъ. Этотъ списокъ посылается на одобреніе турецкаго правительства, которое вычеркиваетъ негодныхъ ему по чему-либо кандидатовъ. Тогда во второмъ засѣданіи церковно-народнаго собранія избираются изъ списка намѣченныхъ кандидатовъ 3 лица. Здѣсь кончаются полномочія смѣшаннаго церковно-народнаго собранія и совершается актъ чисто церковно-іерархическій.

Соборъ архіереевъ Константинопольской церкви, занимающихъ епархіальныя кафедры, каковыхъ 87, т. е. значительно больше количества русскихъ епархій, хотя количество православной паствы не болѣе 8 милл.,—собирается въ соборный храмъ и здѣсь изъ 3 кандидатовъ выбираетъ патріарха.

Въ Византійской церкви, въ самый расцвѣтъ канонической соборности, а въ тоже время и единенія церкви и государства, избраніе патріарха совершалось въ такомъ порядкѣ.

Избирался патріархъ соборомъ однихъ епископовъ, безъ участія клира и мірянъ. На первомъ предварительномъ собраніи происходилъ обмѣнъ мнѣній, и намѣчались кандидаты. Второе засѣданіе происходило въ храмѣ св. Софіи, или во Влахернскомъ соборѣ Богоматери,—здѣсь совершалось моленіе по особому чину. Послѣ того избиралось 3 кандидата, о чемъ составлялся актъ. На

этомъ 2-е собраніе заканчивалось. Актъ этотъ хартофилаксъ представлялъ василевсу—Царю, который считался, какъ и русскій Государь, Защитникомъ и Покровителемъ Церкви. Государь самъ избиралъ изъ трехъ патріарха.

Такимъ образомъ дѣятельность собора заключалась въ тайномъ голосованіи для избранія трехъ достойнѣйшихъ кандидатовъ. Самый же выборъ предоставлялся церковью Царю. Симеонъ Солунскій, защищая эту прерогативу въ церкви Благочестивѣйшаго Государя, говоритъ, что Царь соучаствуетъ въ избраніи патріарха, какъ Помазанникъ, какъ получившій въ таинствѣ мѣропомазанія „свѣтлую ризу“; въ этомъ актѣ избранія Помазанникъ содѣйствуетъ церкви, какъ „дефенсоръ“—защитникъ церкви,—въ силу Божественнаго дара.

Послѣ того, какъ Царь избиралъ патріарха, слѣдовалъ актъ малаго нареченія: къ избранному Царь посылалъ своихъ архонтовъ—представителей государства вмѣстѣ съ хартофилаксомъ—представителемъ церкви, что фактически символизировало союзъ церкви и государства. Это посольство извѣщало кандидата объ избраніи на патріаршій престолъ. Иногда самъ Царь являлся съ „малымъ извѣщеніемъ“ избранному. Если отказывался первый избранный, то назначался другой и даже третій; если же отказывались всѣ три избранные соборомъ кандидаты, то назначалось новое собраніе іерарховъ для избранія другихъ трехъ кандидатовъ.

По полученіи отъ избраннаго согласія, совершалось „великое нареченіе“, которое имѣло значеніе акта церковнаго, причемъ существовала особая формула, съ которою патріаршій хартофилаксъ обращался къ избранному: „Державный и святой Царь и божественный святой и великій соборъ приглашаютъ святыню твою на высочайшій престолъ патріарха вселенскаго“.

И въ этой формулѣ подчеркивается неразрывность союза, существовавшего между церковью и государствомъ въ православной Византіи.

Заключительнымъ актомъ въ процессѣ избранія патріарха было торжественное провозглашеніе новаго патріарха во дворцѣ въ присутствіи собора, синклита, причемъ Царь и патріархъ возсѣдали на золотыхъ престолахъ, которые отдѣлялись отъ публики занавѣсью. Когда завѣса поднималась, Царь и патріархъ вставали со своихъ престоловъ, причемъ „Василевсъ“ — Царь, какъ „дефенсоръ“ — защитникъ, вручалъ патріарху жезлъ. Впослѣдствіи жезлъ вручалъ митрополитъ старѣйшей Іераклійской епархіи. Изъ соборныхъ актовъ видно, что интронизація патріарха, т. е. первое вступленіе его въ храмъ св. Софіи сопровождалось блестящей церемоніей, причемъ патріархъ ѣхалъ на бѣломъ конѣ верхомъ въ сопровожденіи блестящей царской свиты во главѣ съ наслѣдникомъ престола, послѣ этого патріархъ обращался съ мирной грамотой къ своей паствѣ.

Цифра три при избраніи патріарха является традиціонной, во имя Св. Троицы.

Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній совѣщаніе окончилось на освященномъ уже практикою вселенской Церкви принципѣ избранія освященнымъ соборомъ іерарховъ трехъ кандидатовъ, которые и представляются Государю Императору, какъ Помазаннику Божию, Защитнику Церкви, для избранія изъ нихъ одного патріархомъ православной русской Церкви.

Затѣмъ совѣщаніе приступило къ разсмотрѣнію V гл. проекта архіеп. Сергія „Объ архіереяхъ, составляющихъ Синодъ“.

Э. Я.

(Колоколь № 2302).

Ко дню трехсотлѣтняго юбилея царствованія Дома Романовыхъ.

Три вѣка прошли, какъ въ Россіи Романовыхъ царствуетъ Домъ,

И всё эти вѣки были
Увѣнчаты царскимъ трудомъ.

Не мало различныхъ страданій
Монархамъ пришлось перенести
Въ заботахъ спасти отъ погрѣшій
Россійскую силу и честь.

Съ надеждою твердой на Бога
И съ вѣрою въ помощь Его,
Трудились цари наши много
Во благо народа всего.

Во внутреннемъ царствомъ правленьи
Старались судъ правый творить;
Съ народомъ живя въ единеньи,
Старались въ немъ миръ водворить.

Для вѣщаго въ странѣ процвѣтанья
Ремесель, искусствъ и наукъ,
Народнаго образованья
Старались расширить въ ней кругъ.

Когда Имъ по волѣ злой рока
Случалось столкнуться съ врагомъ,
Россійское знамя высоко
Поднявъ, ему шли напроломъ.

Ихъ воли Монаршей послушный,
Народъ всѣмъ призывамъ внималъ;
Съ усердіемъ, единодушно
На бой со врагомъ выступалъ.

Совѣтомъ Ихъ руководимы,
Шли храбрые воины въ бой

И были въ немъ непобѣдимы
Въ защитѣ Отчизны родной.

Монарховъ любя, уважая

И видя въ Нихъ крѣпкій оплотъ;

Удачно враговъ побѣждая,

Возросъ и окрѣпъ нашъ народъ.

Почтимъ юбилей трехвѣковъ
Романовыхъ Дома царей,

Защитниковъ вѣры Христовой,
Державныхъ народа друзей!
Помянемъ почившихъ всѣхъ въ Богѣ
Россійскихъ Монарховъ своихъ!
Попросимъ Творца, чтобъ въ чертогѣ
Небесномъ вселилъ Онъ всѣхъ Ихъ!
Монарху, царящему нынѣ,
Для блага страны и царей,
Желаемъ, чтобъ въ этой годинѣ
Помогъ Богъ смирить бунтарей;
Чтобъ смуть и раздоровъ не зная,
Покойно народъ нашъ могъ жить,
Отчизну свою уважая,
Творцомъ и царемъ дорожить.
И будетъ, по волѣ Державной
Живущій, нашъ русскій народъ
По прежнему сильнымъ и славнымъ,
Свободнымъ отъ всякихъ невзгодъ.
Никто его силы могучей
Не сможетъ тогда сокрушить,
И будетъ онъ жизнью кипучей
Въ довольствѣ и счастливо жить...

Свящ. П. Тугариновъ.

Крымская экскурсія воспитанницъ Ржевскаго Епархіального училища (13 іюня—5 іюля 1912 года).

Прошедшимъ лѣтомъ состоялась экскурсія воспитанницъ Ржевскаго Епархіального училища въ Крымъ.

Объ этомъ путешествіи давно уже мечтали воспитанницы, оканчивавшія въ 1912—13 учебномъ году курсъ Епархіального училища, и, наконецъ, по окончаніи экзаменовъ и акта, 13 іюня экскурсантки тронулись въ путь...

Въ составѣ экскурсантокъ находились: 14 воспитанницъ (7 человѣкъ, окончившихъ 6-й классъ, и 7—окончившихъ 7 классъ), двѣ воспитательницы (В. А. Волкова и В. П. Успенская), учительница руководѣлія М. Я. Демьянова и преподаватель А. П. Рѣзвяковъ, на обязанности котораго лежало общее руководство экскурсіей.

Цѣль экскурсіи была—посѣтить наиболѣе достопримѣчательныя мѣста въ Крыму, этомъ прелестномъ уголкѣ Россіи,—главнымъ образомъ Ялту и Севастополь, а также по пути осмотрѣть Москву и другіе встрѣчныя города. Большинство экскурсантокъ не бывало не только въ Крыму, не видѣло моря и горъ, но даже не видало и Москвы—древней столицы Русскаго Государства. Въ Москвѣ, къ сожалѣнію, экскурсантки не имѣли возможности остановиться на долгое время, за неимѣніемъ помѣщенія. Тѣмъ не менѣе мы воспользовались имѣвшимся у насъ въ распоряженіи временемъ съ утра до вечера (это было 14 іюня), чтобы хотя бѣгло осмотрѣть наиболѣе выдающіяся достопримѣчательности Москвы.

Можно себѣ представить, съ какимъ душевнымъ трепетомъ и волненіемъ подходили экскурсантки къ Кремлю—сердцу Москвы. Еще издали обрисовывались зубчатая стѣны Кремля, а за ними высились колокольни Ивана Великаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ. Не доходя до Кремля, осмотрѣли храмъ Св. Василія Блаженнаго, внѣшній видъ котораго еще издали привлекалъ къ себѣ вниманіе. Сложная, удивительная архитектура этого храма невольно бросалась въ глаза, и экскурсантки посвятили не мало времени какъ на наружный, такъ и на внутренній осмотръ храма. Едва ли найдется въ Россіи храмъ, подобный церкви Василія Блаженнаго, храмъ, про который покойный историкъ Забѣлинъ выразился, что „это такое же, если еще не большее Московское старинное и при томъ народное диво, какъ Иванъ—Великій, Царь—Колоколъ, Царь—Пушка“,

а нѣмецкій путешественникъ Блазіусъ, бывшій въ Россіи въ 40-хъ годахъ XIX вѣка, назвалъ церковь Василя Блаженнаго „ультра-національнымъ архитектурнымъ произведеніемъ“ Московской Руси, въ которомъ проявился полный расцвѣтъ русскаго стиля.

Приложившись затѣмъ къ иконѣ Иверской Божіей Матери, экскурсантки съ священнымъ трепетомъ вступили въ Кремль, въ которомъ сконцентрированы главнѣйшія древности первопрестольной Москвы.

Многія воспитанницы уже по картинкамъ хрестоматій и учебниковъ исторіи составили себѣ представленіе о важнѣйшихъ памятникахъ старины, находящихся въ Кремлѣ, и вотъ теперь все это онѣ видячъ наяву. И Иванъ Великій, и Царь—Колоколъ, и Царь-Пушка, и памятникъ Царю—Освобдителямъ...

Все это было подвергнуто подробному обмотру. Начали съ колокольни Ивана Великаго, высота которой еще издали привлекаетъ къ себѣ взоры. Не удовлетворяясь внѣшнимъ обмотромъ колокольни, экскурсантки взбирались вверхъ, по необозримымъ ступенькамъ, останавливаясь въ каждомъ ярусѣ и окидывая оттуда взоромъ Москву. Мы стремились все выше и выше и, наконецъ, взобрались на самый верхъ. Великолѣпный видъ, открывающійся съ колокольни Ивана Великаго очаровалъ насъ. Мы долго глядѣли внизъ, не будучи въ состояніи вымолвить ни слова. Старая Москва, со своими „сорока сороковъ“ церквей, старинными дворцами, стѣнами и башнями Кремля, предстала передъ нами. Мы испытывали чувство умиленія, взирая на остатки родной старины. Въ головахъ нашихъ промелькнули тысячи историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ Москвой, какъ съ центромъ событій русской исторіи въ теченіе большей части жизни русскаго государства.

Прошлая жизнь Русской земли еще больше воскресла передъ нами, когда мы, спустившись внизъ съ колокольни,

перешли въ находящійся рядомъ Архангельскій Соборъ, хранящій въ себѣ останки царей и великихъ князей Московской эпохи. Экскурсантки внимательно осмотрѣли гробницы, читая на нихъ надписи именъ царей и князей. При этомъ невольно вспоминались событія удѣльно-княжескаго и царскаго періодовъ Русской исторіи. Въ воображеніи рисовались образы князей, воевавшихъ и страдавшихъ за Русскую землю, образы царей, построившихъ изъ хаоса удѣльнаго времени единое могущественное русское государство... Изъ Архангельскаго Собора мы перешли въ Успенскій, гдѣ экскурсантки поклонились мощамъ свв. митрополитовъ Петра, Филиппа и Іоны. Затѣмъ, посѣтивши Благовѣщенскій соборъ, мы вернулись на площадь, съ цѣлю осмотрѣть величественный памятникъ Царю—Освободителю, на который еще раньше того мы обратили вниманіе. Съ колоннадъ этого памятника мы вновь любовались прекраснымъ видомъ, открывающимся на Замоскворѣчье. Чтобы не терять, однако, времени, котораго у насъ въ распоряженіи имѣлось слишкомъ мало, мы отправились осматривать кремлевскіе дворцы. Дворцы эти интересны въ томъ отношеніи, что они представляютъ собою какъ бы рядъ наслоеній разныхъ эпохъ. На ряду съ позднѣйшими сооруженіями въ новѣйшихъ стиляхъ, какъ то: Георгіевскій, Александровскій, Владимірскій и др. залы, здѣсь можно видѣть и старинныя дворцовыя помѣщенія эпохъ Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. Здѣсь какъ бы соприкасаются другъ съ другомъ Московская старина, Московская дворцовая жизнь и дворцовая жизнь Императорской эпохи, отъ которой вѣтъ уже духомъ современности. Дворцовыя сооруженія позднѣйшихъ временъ представляютъ собою рядъ залъ, орнаментированныхъ въ стиляхъ всѣхъ русскихъ орденовъ. Соотвѣтственно этому залы носятъ названія Александровскаго, Андреевскаго, Екатерининскаго и т. д. Наибольшее впечатлѣніе по своей

величинѣ и убранству производить Георгіевскій тронный залъ. На его стѣнахъ вырѣзаны золотыми буквами имена всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ—офицеровъ. Когда мы изъ новыхъ пристроекъ перешли въ старинныя дворцовыя помѣщенія, сохранившіяся отъ Московской царской эпохи, то предъ нами открылся совершенно иной міръ. Грановитая Палата, тронный залъ царя Михаила Ѳеодоровича, опочивальня царя Алексѣя Михайловича (сохранилась, между прочимъ, его кровать), древняя дворцовая церковь, свѣтлицы царевенъ—вотъ что мы увидѣли здѣсь. Отовсюду на насъ вѣяло духомъ глубокой древности, и мы съ волненіемъ, почти съ благоговѣніемъ всматривались въ эти памятники родной старины, стараясь запечатлѣть ихъ навсегда въ своей памяти. Когда мы вышли изъ дворца, то долго еще находились подъ обаяніемъ давно миновавшей старины, и намъ страннымъ казалось слышать вокругъ себя шумъ городской жизни, трамвайныя звонки и свистки автомобилей...

Мы отправились по направленію къ Храму Христа Спасителя и внимательно осмотрѣли это величественное сооруженіе, представляющее собою совершеннѣйшій образецъ византійскаго стиля. Какъ внѣшій, такъ и внутренній видъ этого храма производятъ одинаково грандіозное впечатлѣніе, вполне соответствующее воспоминанію о томъ грандіозномъ событіи, *) въ память котораго построенъ храмъ.—Перейдя затѣмъ черезъ Москву-рѣку, мы направились къ картинной галлерей бр. Третьяковыхъ, въ которой собраны богатѣйшія коллекціи картинъ почти всѣхъ главныхъ русскихъ художниковъ. Осмотръ галлерей представлялъ громадный интересъ для экскурсантокъ, такъ какъ многія изъ нихъ никогда не видали подлинныхъ произведеній знаменитыхъ русскихъ художниковъ и имѣли представленіе объ ихъ картинахъ только

*) Я имѣю въ виду отечественную войну.

по печатнымъ „открыткамъ“. Особенное впечатлѣніе на экскурсантокъ произвели картины художниковъ: Васнецова (В. М.), Рѣпина, Крамскаго, Перова, Маковского (В. Е.), Иванова, Ге, Левитана, Шишкина и Полѣнова. — Конечно, внимательный осмотръ картинъ потребовалъ бы очень много времени, котораго, къ сожалѣнію, не имѣлось въ нашемъ распоряженіи, тѣмъ болѣе что галлерей открыта для публики только до 4-хъ часовъ дня. Въ виду того, что и всѣ прочіе музеи закрываются къ этому времени, намъ пришлось остатокъ дня употребить на внѣшній осмотръ города.

Мы прошлись почти по всеѣмъ главнымъ улицамъ, обративъ особое вниманіе на встрѣтившіяся намъ по пути зданія Историческаго музея, недавно сооруженнаго въ память Императора Александра Ш музея изящныхъ искусствъ, Лубянскаго пассажа и друг. — Вечеромъ того же дня мы уже отъѣзжали отъ Москвы, унося съ собой яркія воспоминанія о видѣнныхъ нами достопримѣчательностяхъ древняго города, гдѣ все такъ мило и близко сердцу русскаго человѣка.

Поездъ мчалъ насъ теперь на югъ, къ Севастополю.. Предъ нами промелькнули Калужская, Тульская, Орловская, Курская, Харьковская и Екатеринославская губерніи. Изъ вагона мы наблюдали, какъ постепенно мѣнялась природа видѣнныхъ нами мѣстностей. Чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ все меньше и меньше попадаетъ сосенъ и елей, а еще дальше — и березы уже стали рѣдки. Ихъ мѣсто занимаютъ теперь липы, тополи, клены и дубы. — Я не стану, конечно, распространяться о томъ, что мы видѣли на протяженіи полуторыхъ тысячъ верстъ, отдѣляющихъ Москву отъ Севастополя. Упомяну лишь о томъ, что мы съ особеннымъ интересомъ всматривались въ встрѣчавшіяся намъ малороссійскія хаты и деревни. При этомъ вспоминались намъ Гоголь и Шевченко, которые въ своихъ произведеніяхъ такъ опоэтизировали малороссійскую жизнь и природу.

Приближаясь къ Севастополю, мы проѣхали цѣлый рядъ туннелей, изъ которыхъ нѣкоторые очень длинны, а также пришлось намъ проѣхать и мимо знаменитаго Инкерманскаго монастыря, къ которому потомъ, по приѣздѣ въ Севастополь, мы совершили специальную экскурсію. Вечеромъ 16 іюня мы приѣхали въ Севастополь. Здѣсь мы остановились на цѣлую недѣлю, такъ какъ у насъ имѣлось готовое помѣщеніе въ женской гимназіи, которая уже вторично оказываетъ гостепріимство нашему училищу *).

Утомленные долгимъ путешествіемъ по желѣзной дорогѣ, экскурсантки сразу же улеглись спать.

На другой день мы пошли осматривать городъ, который еще наканунѣ вечеромъ, при свѣтѣ тысячъ огней, произвелъ на насъ чарующее впечатлѣніе. Прежде всего мы посѣтили Петропавловскій соборъ, внѣшняя форма котораго рѣзко отличается отъ обычнаго типа русскихъ храмовъ.

Онъ построенъ по образцу аѳинскаго храма Тезея и возобновленъ на прежнихъ развалинахъ. Войдя въ Соборъ, мы прослушали часть Божественной Литургіи, которая совершалась въ это время въ немъ. Очарованные чудеснымъ пѣніемъ великолѣпнаго соборнаго хора, мы съ сожалѣніемъ покидали соборъ.

Отсюда мы прошли въ „Музей Севастопольской обороны“ (называемый иначе „Историческимъ музеемъ“), въ которомъ собрано все, что осталось достопримѣчательнаго отъ великихъ событій 1854—1855 г.г.

Здѣсь можно видѣть орудія, оставшіяся отъ временъ обороны, модели судовъ, военные трофеи, нѣкоторыя вещи, принадлежавшія наиболѣе выдающимся героямъ обороны — Нахимову, Корнилову, и проч. Интересны также манекены въ ростъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, въ обмундиро-

*) Первая экскурсія въ Крымъ была въ 1910 г.

ваніи временъ войны 1854—55 г.г. Они представляютъ формы всѣхъ русскихъ полковъ, принимавшихъ участіе въ оборонѣ Севастополя. — Осмотрѣвъ музей, мы прошли на Историческій бульваръ, расположенный на томъ мѣстѣ, гдѣ во время обороны находились укрѣпленія 4-го бастиона. Это было мѣсто горячихъ схватокъ нашихъ войскъ съ непріятелемъ. И до сихъ поръ здѣсь сохранились и поддерживаются въ цѣлости остатки укрѣпленій, воздвигнутыхъ руками нашихъ солдатъ: брустверы, орудія и проч. На Историческомъ бульварѣ находится памятникъ гр. Тотлебену — славному герою Севастопольской обороны. Онъ сооруженъ сравнительно недавно и производитъ очень художественное впечатлѣніе. — Въ числѣ достопримѣчательностей Историческаго бульвара надо упомянуть грандіозную панораму Севастопольской обороны, помѣщающуюся въ особо устроенномъ для сего зданіи. Когда мы вошли въ это зданіе и взглянули на панораму, то намъ предстало величественное зрѣлище, которое едва ли когда изгладится изъ нашей памяти. На громадномъ полотнѣ, предъ которымъ устроены натуральныя декораціи, мы увидѣли весь Севастополь въ тяжелые годы его существованія: укрѣпленія нашихъ войскъ, расположенныя на холмахъ, съ ихъ защитниками, надвигающіяся на нихъ тучи непріятелей, дымъ отъ разрывающихся ядеръ, трупы солдатъ, смерть Корнилова и друг. эпизоды славной обороны — вотъ что открылось нашимъ глазамъ. Впечатлѣніе, произведенное на насъ панорамой, было потрясающее. Фигуры солдатъ, двигающихся со штыками на непріятелей, представлялись намъ настолько живыми, что, казалось, было слышно ихъ могучее „ура“. По этой панорамѣ можно составить себѣ живое представленіе о ходѣ обороны и обо всѣхъ важнѣйшихъ эпизодахъ ея. Панорама является произведеніемъ извѣстнаго художника акад. Рубо. По величинѣ и художественности исполненія, она, пожалуй, одна изъ

лучшихъ панорамъ, какія гдѣ-либо можно видѣть въ Россіи.

Говоря объ Историческомъ бульварѣ, нельзя не упомянуть знаменитую бесѣдку — зонтъ, которую часто можно видѣть на „открыткахъ“ съ видами Севастополя. Съ этой бесѣдки открывается чудный видъ почти навесь Севастополь. Мы невольно при этомъ обращались мыслію къ только что видѣнной панорамѣ, изображающей тотъ же Севастополь, но только въ такое бурное и тревожное для него время! Въ нѣмомъ молчаніи мы любовались величественнымъ видомъ, открывающимся съ бесѣдки, и въ нашемъ воображеніи рисовались картины славнаго прошлаго многострадальнаго города.

Остальное время дня 17 іюня мы употребили на осмотръ линейнаго корабля (броненосца) „Іоанна Златоуста“. На этотъ корабль намъ удалось попасть благодаря случайному знакомству съ однимъ офицеромъ съ „Златоуста“, который выхлопоталъ для насъ разрѣшеніе на посѣщеніе броненосца отъ командира его, капитана 1-го ранга, Черкасова, и самъ пріѣхалъ за нами на корабельной шлюпкѣ; на ней мы и доплыли до броненосца. Офицерскій составъ „Златоуста“ оказалъ намъ очень любезный пріемъ, позволивъ подробно ознакомиться съ устройствомъ броненосца. „Златоустъ“ представляетъ собою линейный корабль новѣйшей конструкціи, имѣющій новые, усовершенствованные заряды, громадныя орудія (есть 12-ти-дюймовыя), — все это мы подробно осмотрѣли подъ руководствомъ офицеровъ. Затѣмъ на той же шлюпкѣ мы вернулись на Графскую пристань, съ которой сѣли. Эта пристань также заслуживаетъ упоминанія. Она представляетъ собою довольно красивое сооруженіе, состоящее изъ колоннъ и многочисленныхъ каменныхъ ступенекъ. На слѣдующій день (18 іюня) мы отправились на лодкахъ въ Инкерманскій монастырь, о которомъ я уже вскользь упомянулъ выше. Монастырь имѣетъ цѣлый

рядъ зданій, ютящихся на возвышенностяхъ, при чемъ наше вниманіе особенно привлекъ храмъ, подобный которому едва ли можно увидѣть гдѣ-либо. Этотъ храмъ цѣликомъ высѣченъ въ громадной каменной скалѣ; наружу выходятъ только двери и балконы. — Съ чрезвычайнымъ интересомъ осмотрѣли мы храмъ снаружи и внутри, и такъ необычно-странно чувствовалось въ полутьмѣ каменныхъ ходовъ и галлерей...

Внутренность самой церкви занимаетъ довольно небольшое пространство; маленькій алтарь слабо отдѣленъ отъ остальной части храма. Интересно также было осмотрѣть каменные могилы, помѣщающіяся въ прилегающихъ къ храму корридорахъ. Въ нихъ наружу *) видны скелеты, принадлежащіе, какъ объяснилъ намъ монахъ-проводникъ, какимъ-то грекамъ, похороненнымъ въ этихъ могилахъ 1700 лѣтъ тому назадъ. Впечатлѣніе, оставленное этимъ оригинальнымъ храмомъ, мнѣ кажется, никогда не изгладится у экскурсантокъ.

Съ Инкерманскихъ высотъ открывалась широкая перспектива на море, окрестныя горы, „Черную рѣчку“; видна оттуда также и часть Севастополя.

Изъ Инкерманскаго монастыря мы поѣхали на тѣхъ же лодкахъ по направленію къ Братскому кладбищу.

Отъ берега до кладбища нужно было пройти пѣшкомъ около полверсты, и затѣмъ мы вступили на священную почву, въ которой покоятся останки великихъ русскихъ героевъ, пожертвовавшихъ своею жизнью въ борьбѣ съ непріателемъ, въ защитѣ славнаго Севастополя. Обвѣянные историческими воспоминаніями, мы бродили среди могилъ, читая на памятникахъ имена славныхъ защитниковъ. Особенно долго мы стояли около могилъ Тотлебена, Горчакова, Хрулева. Посреди Братскаго кладбища возвышается оригинальный по своей формѣ храмъ—

*) Могилы открыты.

памятникъ, *) который какъ бы покрываетъ собою всю сѣть могилъ. Снаружи храмъ кажется небольшимъ; когда же мы вошли внутрь его, то онъ оказался довольно обширнымъ. Пробывъ въ храмъ нѣкоторое время, мы вернулись съ кладбища обратно къ лодкамъ, и, плывя въ городъ, продолжали возстановлять въ своей памяти событія великихъ дней обороны...

19-го іюня мы совершили экскурсію на лошадахъ въ Георгіевскій монастырь и городокъ Балаклаву, расположенные на берегу моря, въ верстахъ 12—14 отъ Севастополя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Корчевская уѣздная Комиссія по распредѣленію средствъ квартирнаго фонда дѣтямъ духовенства, обучающимся въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, симъ объявляетъ, что послѣдній срокъ приема прошеній назначается 15-е февраля. Прошенія, засвидѣтельствованныя о. благочиннымъ о семейномъ положеніи просителя, направляются на имя предсѣдателя Комиссіи священника Преображенской, въ г. Корчевѣ, церкви Іоанна Лебедева.

О. о. Благочинные, не выславшіе по сіе время въ Комиссію фондовыхъ денегъ, благоволятъ выслать таковыя по адресу: **Почт. ст. Кузнецово въ с. Селихово** **Казначею Священнику Арсенію Троицкому.**

*) Храмъ имѣетъ видъ усѣченной пирамиды.

Ревизія Тверскаго Епархіальнаго свѣче-восковаго завода.

Съ 15 по 24 сего января происходила ревизія Тверскаго епархіальнаго свѣче-восковаго завода. Ревизоваль членъ дѣлопроизводитель Комитета по управленіи епархіальными свѣчными заводами при Хозяйственномъ Управленіи Святѣйшаго Синода священникъ А. И. Вадовъ. Ревизія вызвана докладной запиской, поданной о. Управляющимъ заводомъ свящ. П. П. Чулицкимъ Господину Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

Листокъ къ 300-лѣтію царствующаго дома Романовыхъ съ портретами

Царя Михаила Ѳеодоровича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II-го, для произнесенія съ церковной кафедрой и на различныхъ публичныхъ собраніяхъ въ дни юбилейныхъ торжествъ и для раздачи народу.

Цѣна за 100 (съ перес.) 70 коп., за 1000—6 руб; въ Сибирь и др. дальнія области 7 руб. Менѣе 100 не высылается. Можно требовать и наложеннымъ платежемъ.

Адресь: Москва, Ордынка, редакція „Кормчій“.

Сельскохозяйственный Листокъ

ТВЕРСКОГО УѢЗДНАГО ЗЕМСТВА.

Сельскохозяйственный Листокъ—повременное изданіе; выходитъ не менѣе 6 разъ въ годъ.

Сотрудничество платное; авторскій гонораръ построчный. Принятыя для напечатанія статьи могутъ перерабатываться и дополняться; непринятыя возвращаются, если это обусловлено авторомъ.

Объявленія принимаются за умѣренную плату.

За справками обращаться въ Тверскую Уѣздную Земскую Управу.

Подписная плата на первый годъ изданія журнала, съ 15-іюля 1912 по 15-ое іюля 1913 года: журналъ 30 к. и за пересылку 20 коп., всего 50 коп.

При семъ № прилагается 2-й листъ сочиненія—
„Предки Царя Михаила Ѳеодоровича Романова“.

Содержаніе неоффициальной части. Преосборное совѣщаніе Св. Синода.—Стихотвореніе.— Крымская экскурсія воспитанницъ Ржевскаго Епархіальнаго училища.—Объявленіе.—Ревизія Тверскаго Епархіальнаго свѣче-воскового завода.—Объявленія.

Редакторъ священникъ **М. Любскій.**

Печать дозволяется. 28 января 1913 года. Цензоръ инспекторъ семинаріи **Н. Онтлижъ.**

Печатано въ Типографіи Н. М. Родіонова въ Твери, премн. М. В. Блиновъ
Трехсвятская улица, домъ В. М. Шканова.

Рюрикова дома". Первая часть этого заключенія страдает неопредѣленностью или по меньшей мѣрѣ — неточностью. О какомъ здѣсь большинствѣ новгородцевъ идетъ рѣчь?—Судя по тому, что этой фразѣ у Петрова предшествуетъ то положеніе, что „Новымъ городомъ управляли немногіе аристократическіе роды“, можно полагать, что онъ разумѣетъ здѣсь всю оппозицію на вѣчѣ этимъ немногимъ родамъ, но въ такомъ случаѣ странно, почему Новгородъ продолжалъ процвѣтать и въ XIV вѣкѣ, когда, по Петрову, большинство новгородцевъ покинуло городъ и переселилось въ Москву?! Выводъ получается весьма и весьма странный.

Противъ второй части вывода Петрова полагаемъ вполне достаточно сослаться на историка—специалиста В. О. Ключевскаго, утверждающаго какъ разъ обратное тому, что вывелъ Петровъ. Говоря о наплывѣ на службу къ московскому великому князю покоренныхъ удѣльныхъ князей и потомковъ великихъ князей съ XV вѣка, Ключевскій, между прочимъ, констатируетъ, что Кошкины являются „единственной нетитулованной боярской фамиліей, которая не потонула въ потокъ новыхъ титулованныхъ слугъ, нахлынувшихъ къ московскому двору съ половины XV вѣка“, ¹⁾—значить — всѣ остальные нетитулованныя фамиліи, въ томъ числѣ, конечно, и новгородскія, потонули въ этомъ потокѣ. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ-же лекцій Ключевскаго мы читаемъ, что съ наплывомъ массы удѣльныхъ князей въ Москву московское боярство распалось на три слоя,—и къ первому слою относились лишь потомки бывшихъ великихъ князей русскихъ и литовскихъ; нетитулованное же боярство было отгѣснено князьями на задній планъ ²⁾. Въ „Боярской же Думѣ“ Ключевскій, говоря на ту же тему, высказываетъ еще категоричнѣе: „вездѣ на первыхъ мѣстахъ государственнаго управленія стоятъ почти одни служилые князья, и только какой-нибудь Воронцовъ изъ старой первостепенной боярской фамиліи Москвы Вельяминовыхъ, да столь же знатные Кошкины еще держатся кое-какъ на поверхности служилаго потока“ ³⁾.

Таковы, при критическомъ отношеніи, общія положенія Петрова по интересующему насъ вопросу. Также мало обоснованы и неубѣдительно построенія его въ частности и относительно Андрея Кобылы.

Какія, на самомъ дѣлѣ, объективныя основанія, по которымъ Петровъ связалъ и отождествилъ три до сихъ поръ разграничиваемые момента—дату 1146 г. (упоминаніе о кіевскомъ тиунѣ Ратшѣ), приѣздъ „изъ нѣмцевъ“ въ княженіе Александра Невскаго „мужа честна“—Ратши и прадѣда Андрея Кобылы, жившаго, по преданію, въ Прус-

¹⁾ Ключевскій—Курсъ, рус. ист., III, 78—79.

²⁾ Ibid., II, 176.

³⁾ Ключев.—Бояр. Дума, 212.

сіи? Кромѣ теоретическихъ, чисто субъективныхъ разсужденій, никакихъ объективныхъ предпосылокъ мы не видимъ.

Въ вышеупомянутомъ родословцѣ XVI вѣка о Ратшѣ опредѣленно сказано, что онъ пришелъ на русскую службу именно „во дни благовѣрнаго князя Александра Ярославича Невскаго“, т. е. въ пятидесятыя или шестидесятыя годы XIII вѣка, такъ какъ Александръ Невскій умеръ въ 1263 или 1264 г., прокняживши, по лѣтописи, десять только лѣтъ ¹⁾. А между тѣмъ кievскій тиунъ Ратша живетъ и дѣйствуетъ лишь въ первой половинѣ XII вѣка. Г. Петровъ приписываетъ эту разницу извращенію позднѣйшихъ писателей и списателей, „не имѣвшихъ понятія о возможности повѣрки родословныхъ показаній хронологіею“. Но сколь ни достовѣренъ фактъ извращенія древними русскими грамотѣями нашей хронологіи, все-же кажется невѣроятнымъ, чтобы они допустили такую грубую ошибку (болѣе ста лѣтъ),—тѣмъ болѣе что оба факта—и кievскій тиунъ, и жизнь кн. Александра Невскаго, какъ моменты выдающіеся—были запечатлѣны въ русской лѣтописи и, т. о., были извѣстны нашимъ древнимъ книжникамъ—писателямъ. Правда, послѣдніе поражаютъ своей отсталостью и невѣжествомъ во всемъ, что касается тогдашней объективной науки,—но нельзя того же сказать объ ихъ отношеніи къ фактамъ родной, русской исторіи. „Да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу“—не было лишь „*pium desiderium*“ въ устахъ монаха—лѣтописца,—на отдѣльныхъ примѣрахъ (царь Иванъ Грозный и др.) и по цѣлому ряду мѣстническихъ дѣлъ можно вполне убѣдиться, что наши „книжные“ предки хорошо знали прошлое своей родины и особенно хранили то, что относится къ генеалогіи дѣдовъ и прадѣдовъ.

Естественнѣе, кажется, было бы для Петрова отождествить Ратшу изъ родословца съ другимъ Ратшей, тоже новгородцемъ, но современникомъ Александра Невскаго. Этотъ другой Ратша упоминается подъ 1268 г., когда его убили взбунтовавшіеся новгородцы ²⁾,—и слѣдовательно—болѣе подходит къ Ратшѣ изъ родословца по времени. Однако Петровъ оставляетъ въ покоѣ этого Ратшу и останавливаетъ свое вниманіе на кievскомъ тиунѣ. Не трудно понять, почему онъ такъ дѣлаетъ: онъ не нашелъ возможнымъ отвергнуть дѣйствительное существованіе указанныхъ въ родословцѣ прямыхъ потомковъ Ратши—Якуна, Алексея и т. д., а уложить въ одно столѣтіе—съ половины XIII вѣка до половины XIV (до Андрея Кобылы)—семь поколѣній Петровъ, конечно, не могъ. Поэтому ему и пришлось углубиться еще на одно столѣтіе и взять Ратшу 1146 года ³⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 58; IV, 38, 39; X, 143.

²⁾ Ibid., III, 60; V, 194.

³⁾ Барсуک.—Обз. источн. и лит. рус. род., 54.

Насколько непрочна почва, на которой стоит Петровъ въ своихъ построенияхъ, свидѣлствуютъ уже тѣ противорѣчія и натяжки, къ которымъ онъ принужденъ прибѣгать для того, чтобы придать своей теоріи хоть внѣшній видъ стройности и убѣдительности. Въ родословной таблицѣ, составленной Петровымъ ¹⁾, Алекса—Гориславъ (въ монашествѣ св. Варлаамъ Хутынской) показанъ на третьемъ мѣстѣ, слѣдовательно—внукомъ Ратши, какъ и требуетъ того указанный родословецъ, а между тѣмъ только что предъ этой таблицей Петровъ доказывалъ, что „Алекса—св. Варлаамъ былъ братъ посадника Михаила Степановича“, т. е.—Якуна, и, значить, тоже—сынъ, а не внукъ Ратши. Гдѣ же правильнѣе? ²⁾.

Затѣмъ, чтобы согласовать какъ нибудь лѣтописныя сказанія о новгородскихъ дѣятеляхъ и показанія родословца и выдержать, т. о., главный принципъ свой въ этомъ отношеніи, Петровъ, не указывая въ свое оправданіе никакихъ источниковъ, какъ будто рѣчь идетъ о вещи, уже всѣмъ извѣстной, утверждаетъ, что имена Якунь и Ратша суть только народныя прозванія, а по настоящему: Якунь—это Михаилъ Степановичъ, посадникъ новгородскій, а Ратша—Стефанъ, отецъ предыдущаго. Не видя объективныхъ основаній для такого отождествленія, мы въ правѣ усомниться и видѣть въ данномъ случаѣ просто натяжку автора для указанной уже цѣли. ³⁾

Очевидно въ тѣхъ же видахъ Петровъ спорить и съ положительными, общепринятыми фактами нашей исторіи. По сказанію лѣтописи—св. Варлаамъ Хутынской умеръ 6 ноября 1193 г. (6701) ⁴⁾, по Петрову же—препод. Варлаамъ умеръ позднѣе 1215 года, а въ таблицѣ на стр. 8 поставленъ еще, какъ предполагаемый, и 1243 г. Почему Петровъ игнорируетъ лѣтописныя указанія и замѣняетъ ихъ своими предположеніями—неизвѣстно.

Наконецъ, и категорическое утвержденіе Петрова, что Андрей Кобыла по отцѣ былъ Ивановичъ, подлежитъ еще сомнѣнію, такъ какъ лѣтописи наши объ отцѣ Андрея ничего не говорятъ, а преданія, въ лицѣ родословныхъ, разногласятъ о немъ. Одни называютъ его Иваномъ, какъ, напр., поколѣнная роспись Шереметевыхъ, поданная въ Разрядъ въ 1686 г. ⁵⁾, а другія—Михаиломъ, какъ, напр., преданіе о прародителѣ Шереметевыхъ, общемъ съ Романовыми, записанное кн. Курбскимъ ⁶⁾, или родословные списки въ „Книгѣ о древностяхъ Россійскаго государства“ ⁷⁾. Можно-ли теперь отбросить одно,

1) Ист. род. рус. двор., 8.

2) Барсуковъ.—Обз. ист. и лит. рус. род., 54—55.

3) Ibid., 54

4) П. С. Р. Л., IV, 17.

5) Барсуковъ.—Родъ Шеремет., 2.

6) Сказ. Курбскаго, 108.

7) Барсуковъ.—Обз. источн. и лит. рус. род., 55.

какъ ложное, а другое по произволу признать за истинное, когда обѣ версіи преданія идутъ изъ глубокой старины и обѣ имѣютъ одинаковое право почитаться за истинныя?!

Изъ сказаннаго видно, что попытка Петрова не достигла цѣли—порвать съ традиціей и провести новую точку зрѣнія въ разбираемомъ вопросѣ. Не только въ легендарномъ матеріалѣ, но и въ положительномъ, не подлежащемъ уже сомнѣнію, у него встрѣчается масса погрѣшностей—и погрѣшностей весьма крупныхъ для историка¹⁾.

Изъ другихъ авторовъ, аналогично съ Петровымъ утверждающихъ русское происхожденіе родоначальника Романовыхъ, можно упомянуть Иловайскаго да, пожалуй, Лихачева. Иловайскій ограничивается краткимъ замѣчаніемъ, что въ преданіи объ иноземномъ происхожденіи Андрея Кобылы и другихъ знаменитыхъ боярскихъ фамилій онъ видитъ только „тенденцію бояръ выводить своихъ предковъ отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ... какъ подражаніе царствующему дому, который, согласно съ лѣтописной легендой, вель свое происхожденіе отъ знатныхъ варяговъ“. „Въ XVI в. эта легенда,—говоритъ Иловайскій,—видоизмѣнилась желаніемъ Василя Ивановича и Ив. Грознаго произвести свой родъ отъ мифическаго Пруса, брата римскаго императора Августа. По всей вѣроятности въ подражаніе своимъ царямъ въ томъ же столѣтіи нѣкоторыя боярскія фамиліи, въ ихъ числѣ и Романовы—Юрьевы, въ родословныхъ начали показывать своихъ предковъ выѣзжими изъ прусъ“²⁾.—Никакой попытки доказать русское происхожденіе Андрея Кобылы историческими документами и фактами, подобной попыткѣ Петрова, мы у Иловайскаго не видимъ. Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ онъ высказываетъ то же самое положеніе, какое мы встрѣчали и у Петрова—именно, что всѣ эти выходцы „изъ прусъ“ и „изъ нѣмцевъ“ суть тоже русскіе. Поэтому, то, что нами сказано было по поводу главныхъ положеній Петрова, относится равнымъ образомъ и къ утвержденію Иловайскаго.

Что же касается Лихачева, то онъ заявляетъ лишь о своей солидарности съ тѣми историками, которые считаютъ вымысломъ сказанія нашихъ родословныхъ о боярскихъ выѣздахъ „изъ прусъ“³⁾.

III.

Если мы нашли попытки Петрова и ему подобныхъ не достигшими цѣли, то это еще не значитъ, конечно, что всѣ легенды и преданія по поводу происхожденія Андрея Кобылы признаются доселѣ

¹⁾ Ibid., 55—58.

²⁾ Иловайскій—См. вр., 315.

³⁾ Лихачевъ.—Разр. дьяки, 404.

за достовѣрныя и истинныя во всей своей полнотѣ. Историки, и признающіе въ принципѣ иноземное происхождение родоначальника фамиліи Романовыхъ, относятся, однако, критически къ деталямъ родословныхъ преданій, очищая ихъ отъ несомнѣнныхъ вымысловъ и позднѣйшихъ извращеній и возстановляя, такимъ образомъ, первобытную историческую истину болѣе или менѣе правдоподобно. Они совершенно правильно рассуждаютъ, что „если, за неимѣніемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, недозволительно слѣпо довѣряться легендѣ, то несправедливо и отвергать ее безусловно, якобы выдумку невѣждъ“ ¹⁾, такъ какъ „почти никакая... молва или никакой слухъ не рождаются изъ ничего, а тѣмъ болѣе сказаніе о чемъ-либо видѣнномъ отцемъ и переданное имъ сыну, а отъ сего послѣдняго дошедшее до внука, правнука и т. д.“ ²⁾. Къ такимъ историкамъ, раздѣляющимъ въ принципѣ родословныя сказанія объ иностранномъ происхожденіи Андрея Кобылы, за вычетомъ очевидныхъ нелѣпостей въ деталяхъ, принадлежитъ прежде всего баронъ Кампенгаузенъ. Онъ еще въ 1805 г. издалъ въ Лейпцигѣ свою „Генеалогическо—хронологическую исторію Пресвѣтлѣйшаго Дома Романовыхъ“ ³⁾, въ которой далъ подробный разборъ существующихъ преданій и легендъ о прапредкахъ Андрея Кобылы.

Во всѣхъ сказаніяхъ и преданіяхъ, относящихся къ данному вопросу, Кампенгаузенъ видитъ вольное или невольное извращеніе историческихъ событій, особенно же хронологіи, и указываетъ, между прочимъ, слѣдующія отдѣльныя искаженія. По преданію, Прутено или Войдевудъ, изъ племени алановъ, принимаетъ верховную власть надъ страной въ 305 году, причемъ отъ момента поселенія этого племени, разбитаго сикамбрами, въ предѣлахъ Пруссіи прошло довольно порядочно уже времени. „Между тѣмъ, говоритъ Кампенгаузенъ, извѣстно, что горькая судьба, постигшая алановъ на Рейнѣ, имѣла мѣсто въ концѣ 4-го вѣка“ ⁴⁾.

Затѣмъ, преданіе, какъ мы видѣли, изображаетъ вокняженіе Войдевуда или Прутено надъ прусско-аланскимъ народомъ совершившимся мирнымъ путемъ, безъ всякаго противодѣйствія со стороны алановъ и ихъ союзниковъ—туземцевъ, принужденныхъ якобы къ избранію общаго предводителя или князя раздорами, возникшими среди нихъ. На это Кампенгаузенъ возражаетъ, что, если и признать, что раздоры между союзниками могли побудить ихъ къ избранію одного общаго князя, то все-же кажется неправдоподобнымъ, чтобы „всѣ родственныя между собой племена, жившія между Вислою и

1) Барсуковъ.—Обз. ист. и лит. рус. род., 53.

2) Кампенгауз.—Сб. Селиф., 177.

3) Ibid., 111—271.

4) Сб. Селиф., 173.

Двиною, и между балтійскимъ побережьемъ и южною частью Польши и западною Россіи, ведшія кочевой образъ жизни, слѣдовательно разбросанныя по разнымъ кочевьямъ, помимо войны и помимо покоренія ихъ внѣшнею силой, подчинились совершенно добровольно власти повелителя всей прибрежной страны—Войдеводы“. 1) Только легенда можетъ объяснять такъ появленіе княжеской или королевской власти.

Но сквозь мракъ легендарныхъ вымысловъ, искаженій и преувеличеній, чрезъ поэтическую пленку, окружающую прапредковъ дома Романовыхъ, Кампенгаузенъ пытается уловить своимъ взглядомъ и зерно исторической истины. Для этого онъ всѣми возможными мѣрами и средствами „очищаетъ устное преданіе“ отъ разныхъ „пятенъ и дефектовъ“, осторожно разбираетъ легендарныя данныя, провѣряетъ, сравниваетъ ихъ съ достовѣрными уже историческими фактами и т. д. И путемъ такого „взвѣшиванія“ легендарной „исторіи“ Кампенгаузенъ приходитъ къ слѣдующему выводу.

По его мнѣнію, много-много лѣтъ назадъ, въ то время, когда прусско-литовскій народъ жилъ еще мирно и безмятежно, безъ притѣсненій со стороны сосѣдей, на прусскомъ побережьи Балтійскаго моря высадилась большая „ватага храбрыхъ мореходцевъ“. Когда произошла эта высадка—въ точности неизвѣстно, „но,—говоритъ Кампенгаузенъ,—по всей вѣроятности, гораздо позднѣе, нежели сообщаетъ вышеприведенная легенда“ 2). Кампенгаузенъ полагаетъ при этомъ, что эти „храбрые мореходцы“, высадившіеся въ предѣлахъ Пруссіи, были „не аланы, а норманны или варяги, которые именно въ 9 и 10 вѣкахъ, придя изъ Скандинавіи, воевали во многихъ морскихъ прибрежныхъ странахъ Европы, расширяли свое владѣтельство и основали нѣсколько государствъ, но въ разныхъ мѣстахъ были оттѣснены“ 3). Съ послѣднимъ согласно и преданіе, по которому „эти новые гости, удалившіеся первоначально съ морскихъ береговъ западной Германіи и изъ нидерландской земли, вернулись на прежнюю родину, сосѣдственную пруссо-литовскому народу (я же къ этому прибавляю — говоритъ Кампенгаузенъ — высадились нѣсколько на сѣверо-востокъ, невдалекѣ отъ пруссо-литовскихъ земель“ 4). Эти прицельцы, по убѣжденію Кампенгаузена—норманны, отличались воинственностью и отвагой; изъ ихъ среды выходили „опытные вожди дикихъ народовъ“ 5). Будучи по природѣ своей грубы и невоспитанны, эти отважные воины, благодаря частымъ стычкамъ съ цивилизованными людьми, постепенно культивируются. Это обстоятельство, въ связи съ природной отвагой и воинственностью норманновъ, дѣлаетъ

1) Ibid.

2) Сборн. Селиф., 181.

3) Ibid.

4) Ibid.

5) Ibid.

ихъ почти необходимыми въ борьбѣ съ некультурными народами, которые должны уступать не только предъ ихъ военными способностями, но и предъ ихъ нравственнымъ превосходствомъ. Отсюда—норманскіе вожди легче, чѣмъ иные полководцы, становятся во главѣ тѣхъ или другихъ некультурныхъ или малокультурныхъ племенъ и народовъ. По этой причинѣ, по мнѣнію Кампенгаузена, и прусско-литовскій народъ избралъ себѣ князя именно изъ норманновъ.¹⁾

Что касается имени „Войведодъ“, которымъ надѣляется преданіе перваго прусско-литовскаго князя, то Кампенгаузенъ видитъ здѣсь не собственное имя какого-либо вождя или князя, а нарицательное— „воевода“ (если исключить изъ слова „Войведодъ“ литеру „д“), сохранившееся до сихъ поръ въ литовскихъ и славянскихъ языкахъ, какъ общее обозначеніе предводителей войскъ²⁾. Собственнаго имени перваго прусско-литовскаго князя—норманна, т. о., мы не знаемъ,—равно какъ не знаемъ и его ближайшихъ преемниковъ и соправителей. Прутено, Литталанусъ, Саймо, и т. п., по мнѣнію Кампенгаузена, не болѣе—какъ мифическіе, воображаемые лишь, субъекты³⁾.

О томъ, какъ правилъ страной этотъ норманнъ—князь, можно лишь предполагать—и то болѣе или менѣе приблизительно. Какъ варягъ, слѣдовательно—человѣкъ сравнительно съ пруссами образованный, первый прусско-литовскій князь, какъ думаетъ Кампенгаузенъ, возвелъ своихъ подданныхъ „на первую степень культуры“, т. е. научилъ ихъ земледѣлію, нѣкоторымъ ремесламъ, грамотѣ и пр. вмѣстѣ съ этимъ онъ постарался, конечно, и о томъ, чтобы возможно болѣе распространить свое господство надъ прусско-литовскими племенами и какъ можно прочнѣе утвердить въ своемъ родѣ верховную власть. Съ послѣдней цѣлью въ завоеванныхъ областяхъ онъ ставилъ правителями своихъ родственниковъ и преданнѣйшихъ товарищей, подобно тому, какъ потомъ поступилъ на Руси тоже норманнъ—Рюрикъ. Такимъ образомъ, на ряду съ представителями главнаго княжескаго рода въ прусско-литовскомъ государствѣ существовали владѣтельные роды потомковъ областныхъ правителей перваго князя.

Съ точки зрѣнія своей теоріи о норманскомъ происхожденіи перваго прусско-литовскаго князя Кампенгаузенъ смотритъ и на преданіе о переселеніи въ началѣ X вѣка какихъ-то итальянцевъ, подъ предводительствомъ Палямона, въ предѣлы Пруссіи. „Весьма вѣроятно“, говоритъ онъ, что тѣ итальянцы, о которыхъ говоритъ преданіе, что они высадились у р. Мемеля и затѣмъ обосновали въ Литвѣ свое владѣчество, были ничто иное, какъ норманны, которымъ

1) Ibid.

2) Ibid.

3) Ibid.

не понравилась жизнь въ Италіи и которые потому и вернулись на сѣверъ“ 1). А „извѣстно, — говоритъ Кампенгаузенъ, — что въ половинѣ XI вѣка въ неаполитанской землѣ и въ Сициліи норманны (дѣйствительно) основали государство“ 2). Значитъ, преданіе ошиблось лишь въ хронологіи да въ названіи національности переселенцевъ, — но фактъ этаго переселенія, очевидно, имѣлъ мѣсто въ исторіи.

Въ пользу своего предположенія о переселеніи именно норманновъ, а не природныхъ итальянцевъ, Кампенгаузенъ указываетъ на невѣроятность того, „чтобы итальянцы могли промѣнять свою пріятную и образованную Италію на дикій и неразвитой сѣверъ“ 3). Невѣроятно также, чтобы грубые и воинственные пруссо-литовцы могли допустить надъ собой господство такихъ изнѣженныхъ людей, какъ итальянцы, да еще только что переселившихся въ Пруссію. Съ точки же зрѣнія Кампенгаузена становится, дѣйствительно, вполне правдоподобнымъ не только сліяніе этихъ переселенцевъ изъ Италіи (т. е. норманновъ) съ жителями прусско-литовскаго государства, но даже и то, что въ ихъ руки со временемъ перешла и часть верховной власти, такъ какъ первымъ княземъ прусско-литовскимъ, по его мнѣнію, былъ тоже норманнъ 4).

Господство норманновъ въ прусско-литовскомъ государствѣ продолжалось до XIII вѣка, когда пруссы своими военными набѣгами на сосѣднія нѣмецкія земли вызвали горячій отпоръ со стороны жителей послѣднихъ. Конрадъ, герцогъ Мазовіи, первый повелъ войну противъ зарвавшихся сосѣдей и положилъ начало завоеванію Пруссіи. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь сначала меченосцевъ, а потомъ рыцарей Нѣмецкаго или Маріинскаго ордена, и въ результатъ въ восьмидесятихъ годахъ XIII вѣка, послѣ упорной и кровопролитной борьбы, Пруссія была завоевана Нѣмецкимъ орденомъ въ союзѣ съ меченосцами. Жители Пруссіи были крайне стѣснены, а ихъ князья и областные правители, потомки отважныхъ норманновъ, частью были арестованы и заключены по тюрьмамъ, а частью удалились добровольно въ сосѣднія государства.

Къ числу послѣднихъ Кампенгаузенъ относитъ и Гланду Дивонича Камбилу, предполагаемаго родоначальника бояръ Романовыхъ, тоже потомка древнихъ державцевъ — норманновъ, бѣжавшаго, по завоеваніи Пруссіи, въ Россію. Кампенгаузенъ считаетъ его несомнѣннымъ основателемъ рода Кобылиныхъ — Кошкиныхъ — Романовыхъ и указываетъ даже мѣсто первоначальнаго его державства. „Обнаруженное новѣйшими изслѣдованіями по симъ вопросамъ сходство показав-

1) Ibid. 183.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Ibid., 183, 185.

Ibid (1

Ibid (2

Ibid (3

ній, — читаемъ у него, — которыя мы находимъ какъ во многихъ досто-
вѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ, такъ и въ разныхъ историческихъ и семей-
ныхъ матеріалахъ и актахъ — дозволяетъ съ увѣренностью установить,
что Гланда (или Гландаль) Камбила Дивоновичъ былъ не только
пращуромъ или основателемъ прародительскаго рода Романовыхъ, но
что онъ былъ и выходцемъ изъ Самогитіи и сосѣдней съ нею Зюдъ—
ауэръ—ляндіи ¹⁾; былъ въ этихъ странахъ державцемъ и, по пре-
данію, принадлежалъ къ княжескому роду, съ древнихъ временъ
вокняжившемуся надъ прусско-литовскими племенами ²⁾.

Въ достовѣрности преданія о принадлежности Гланды Дивоно-
вича къ древнѣйшему владѣтельному дому убѣждаетъ Кампенгаузенъ
то, во-первыхъ, соображеніе, что по части генеалогическихъ данныхъ
преданія вообще наиболѣе заслуживаютъ довѣріе историка. „Могло-
ли въ данномъ случаѣ, говоритъ онъ, зародиться и потомъ удержи-
ваться ложное преданіе, когда оно могло быть въ самомъ началѣ
уничтожено протестомъ дѣйствительныхъ членовъ рода, которымъ
навязывали чужеродцевъ“? ³⁾ Не только у народовъ культурныхъ, но
и у варваровъ потомки чѣмъ-либо прославившихся личностей — кня-
зей, полководцевъ и т. п. — обыкновенно выдѣляются народнымъ со-
знаніемъ въ особую категорію, — и, т. о., предохраняются отъ привне-
сенія — случайнаго или намѣреннаго — въ ихъ среду лицъ сторон-
нихъ, лицъ другого корня. Во-вторыхъ, въ пользу вышеупомянутаго
преданія Кампенгаузенъ указываетъ на изображенія родового герба
Гланды Дивоновича, подтверждающія, что его предки были и некогда
дѣйствительно верховными властелинами. Этотъ родовой гербъ за-
ключаетъ въ себѣ эмблемы именно княжеской власти — корону, ски-
перъ, державу и священный дубъ, почитавшійся у пруссовъ, само-
гитовъ и куроновъ особенно священнымъ. Эти эмблемы, — оговаривается
Кампенгаузенъ, — впрочемъ, не значатъ еще, чтобы предки Гланды
Дивоновича на самомъ дѣлѣ носили ихъ, — цѣль ихъ изображенія на
гербѣ та лишь, чтобы показать потомкамъ, какими владѣтельными
князьями были ихъ первые предки ⁴⁾.

Такимъ образомъ, Кампенгаузенъ считаетъ Гланду Дивоновича,
во-первыхъ, родоначальникомъ Романовыхъ, и, во-вторыхъ, потомкомъ
древнихъ прусско-литовскихъ князей — норманновъ, господствовавшихъ
съ давнихъ поръ въ разныхъ областяхъ Пруссіи, Самогитіи и Литвы.
Вопросъ о томъ, въ какой именно области прусско-литовскаго госу-
дарства княжилъ самъ Гланда прежде бѣгства своего въ предѣлы
Россіи, Кампенгаузенъ рѣшаетъ такъ. Составитель Общаго Гербов-

¹⁾ Или: Судавин. — Прим. Селифонтова.

²⁾ Сб. Селиф., 191, 193.

³⁾ Ibid., 193.

⁴⁾ Ibid., 193, 195.

ника дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи и нѣкоторые другіе авторы,—говорить онъ,—считаютъ Гланду владѣтелемъ Судавіи и Самогитіи и прибытіе его въ Россію относятъ къ XIII вѣку. Имѣя это въ виду, Кампенгаузенъ обращается къ самогитско-литовской исторіи XIII вѣка, перечисляетъ всѣхъ главныхъ и удѣльныхъ князей Самогитіи, жившихъ въ продолженіе всего XIII вѣка, но ни одного державца Самогитіи съ именемъ Гланды, однако, онъ не нашелъ¹⁾. Последнее обстоятельство приводитъ Кампенгаузена къ тому предположенію, что Гланда могъ быть не только великимъ или удѣльнымъ княземъ Самогитіи или Шамаитіи,—какъ княжескій родственникъ, онъ могъ владѣть всего лишь небольшой „землицей“ или помѣстьемъ—по нашему, и, однако, могъ при этомъ носить титулъ владѣтеля Самогитіи и Судавіи—подобно тому, какъ и теперь нѣкоторые князья или герцоги (напр., саксонскіе и голштинскіе герцоги) носятъ громкіе титулы своихъ знаменитыхъ предковъ—князей, хотя сами владѣютъ весьма незначительной частью того, надъ чѣмъ господствовали ихъ прославленные предки. Факты древней прусско-литовской исторіи вполне подтверждаютъ возможность такого явленія въ жизни Гланды, такъ какъ въ этой исторіи мы видимъ тотъ же удѣльный порядокъ въ правленіи страной, какой мы знаемъ и изъ собственной русской исторіи²⁾.

Относительно времени переселенія Гланды въ Россію мы находимъ у Кампенгаузена слѣдующія соображенія. Преданія, относящія это переселеніе къ великому княженію Александра Ярославича Невского или къ половинѣ XIII вѣка, не могутъ быть приняты за достовѣрныя потому, что, согласно имъ, выходитъ, что Андрей Кобыла (сынъ Гланды), прибывшій вмѣстѣ съ отцомъ своимъ въ Россію и пославшійся въ 1347 г.³⁾ въ Тверь въ качествѣ великокняжескаго свата, былъ при этомъ сватовствѣ около 90—100 лѣтъ,—что совѣмъ невѣроятно. Затѣмъ, невѣроятнымъ кажется, чтобы Гланда пробылъ въ Россіи около 30 лѣтъ некрещенымъ, такъ какъ его крещеніе преданіе относитъ только къ 1287 году. На основаніи этихъ разсужденій Кампенгаузенъ считаетъ самой вѣроятной ту версію преданія, которая полагаетъ прибытіе Гланды въ послѣдней четверти XIII вѣка, т. е. въ великое княженіе или Василія Ярославича (1272—1276), или Димитрія Александровича (1276—1294)⁴⁾.

Причиной, побудившей Гланду Дивоновича искать убѣжища въ предѣлахъ Россіи, Кампенгаузенъ считаетъ тѣ нападенія рыцарей Нѣмецкаго ордена на владѣнія Гланды, которыя имѣли мѣсто въ промежуткѣ времени между 1272 и 1294 годами.

¹⁾ Ibid., 195, 201.

²⁾ Ibid., 201—203.

³⁾ П. С. Р. Л., VII, 210; X, 218.

⁴⁾ Сборн. Селиф., 203—205.

Итакъ, Кампенгаузенъ признаетъ князя Гланду Камбилу первымъ достовѣрнымъ предкомъ дома Романовыхъ, считаетъ его отцомъ исторически уже извѣстнаго боярина Андрея Кобылы и полемизируетъ съ тѣми историками, которые, подобно г. Миллеру, считаютъ, наоборотъ, Андрея Ивановича Кобылу первымъ родоначальникомъ дома Романовыхъ и ничего не говорятъ о Гландѣ Дивоновичѣ. По мнѣнію Кампенгаузена, ссылка Миллера на родословцы, которые начинають родъ Романовыхъ именно съ Андрея Кобылы, а не съ его отца—Гланды Камбилы, еще не доказываетъ, что Андрей Кобыла первый переселился въ Россію въ своемъ родѣ. Родословцы, какъ извѣстно, не всегда доводились до перваго предка того или другаго рода, а лишь до того, который первымъ поступилъ на русскую службу. Возможно, поэтому,—говоритъ Кампенгаузенъ,—что и отецъ Андрея Кобылы, Гланда, хотя и переселился въ Россію, но служилымъ чело-вѣкомъ не былъ,—сынъ же его, Андрей Кобыла, поступилъ на службу. Кампенгаузенъ допускаетъ и другое предположеніе: отецъ Андрея Ивановича могъ поселиться первоначально не въ Москвѣ, а гдѣ-либо на западной окраинѣ Россіи, сосѣдней съ его родиной, и только уже сынъ его переселился въ Москву. Все это, по мнѣнію Кампенгаузена, однако, не ослабляетъ „несомнѣннѣйшихъ“ указаній на фактъ переселенія князя Гланды въ Россію, на его крещеніе, въ которомъ онъ получилъ имя Ивана, а сынъ его—имя Андрея (1287),—и на то, что Гланда именно былъ отцомъ лѣтописнаго Кобылы, равно какъ—что онъ же нѣкогда былъ и княземъ Самогити и Литвы ¹⁾. Не противорѣчить сдѣланнымъ выводамъ, по мнѣнію Кампенгаузена, и то обстоятельство, что Миллеръ считаетъ Андрея Кобылу не потомкомъ прусско-литовскихъ князей, а просто нѣмецкимъ рыцаремъ, прибывшимъ изъ Пруссіи въ Россію съ цѣлью биться съ невѣрными—татарами ²⁾. Нѣмецкому рыцарю того времени,—говоритъ Кампенгаузенъ,—не было никакой нужды отыскивать гдѣ-то въ далекой и чуждой ему Россіи объектовъ для приложенія своей военной отваги и миссіонерскаго рвенія,—онъ, какъ истинный католикъ, долженъ былъ начать борьбу не съ язычниками, жившими за тридевять земель отъ него, а съ тѣми окружавшими его сосѣдями, которые не признавали Римскаго вѣроученія, единственно истиннаго въ его глазахъ. Непонятно, какъ онъ, рыцарь—католикъ, идетъ на службу къ православному князю, когда онъ на родинѣ своей могъ устроиться лучше даже и въ матеріальномъ отношеніи. Что же касается разногласія родословныхъ, называющихъ Андрея Кобылу то варягомъ, то нѣмцемъ, то пруссомъ, — каковыя названія, по мнѣнію Миллера, относились тогда къ одному нѣмецкому народу,—то Кампенгаузенъ соглашается, что такое смѣ-

¹⁾ Ibid., 211.

²⁾ Ibid., 207.

¹⁾ Ibid., 207—211.

²⁾ Вѣроподобно—Родъ Шверина, I, 8.

шеніе названій встрѣчается въ древнихъ письменныхъ памятникахъ Россіи, но тамъ же встрѣчается и такое явленіе, что, если изъ какой либо страны, покоренной врагами, переселялся въ Россію знатный вельможа, то нерѣдко этотъ вельможа по ошибкѣ считался въ Россіи принадлежащимъ къ націи покорителей его страны. Нѣтъ ничего невозможнаго, что такъ случилось и съ Андреемъ Кобылой, ибо русскимъ извѣстно было, что нѣмцы покорили Пруссію ¹⁾.

Такова теорія самого Кампенгаузена о прапредкахъ дома Романовыхъ, предшествующихъ первому исторически-доставренному родоначальнику этого дома—московскому боярину временъ вел. кн. Семена Ивановича, Андрею Кобылѣ.—Нельзя не согласиться съ Кампенгаузенемъ въ отдѣлѣ его критики баснословныхъ сказаній о разныхъ Прутено, Вейдевудѣ, Палямонѣ и т. п., какъ фактахъ незавидѣльствованныхъ исторіей, о которыхъ, слѣдовательно, можно что угодно сочинять. Но и къ тому, что онъ самъ считаетъ достовѣрнымъ или вѣроятнымъ въ той или иной степени, (напр., о норманнскомъ корнѣ Романовскаго рода, о Гландѣ Камбилѣ, какъ отцѣ Андрея Ивановича и т. д.), нужно относиться безусловно осторожно. Если мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ опровергать теорію Кампенгаузена, то также не имѣемъ основаній считать ее и безусловно истинной.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ историческихъ памятниковъ, относящихся къ жизни прапредковъ Романовыхъ до Андрея Кобылы, и опираясь лишь на одни преданія и родословныя записи, не имѣющія, конечно, абсолютнаго значенія, Кампенгаузенъ, понятно, могъ и ошибиться въ своихъ предположеніяхъ и выводахъ. Не только его предположеніе о норманнахъ, какъ прародителяхъ Андрея Кобылы,—предположеніе, требующее доказательствъ еще,—но и его утвержденія о Гландѣ Дивоновичѣ имѣютъ только большую или меньшую степень вѣроятности, такъ какъ наши лѣтописи о немъ ничего не говорятъ, а въ иностранной литературѣ соответствующаго времени есть одно лишь упоминаніе о какомъ-то Кабилѣ,—это въ Памятникахъ Варминской (Эрмляндской) исторіи. По словамъ Барсукова, который былъ знакомъ съ упомянутымъ изданіемъ, въ этихъ Памятникахъ находится дарственная запись Эрмляндскаго капитула, данная 23 іюля 1290 года, на владѣніе помѣстьемъ Налабенъ (Nalaben) какому-то Кабилѣ (Cabilo). Причемъ этотъ Кабила со своимъ потомствомъ обязывается, какъ водится въ старинѣ, нести военную службу капитулу „однимъ коземъ и однимъ вооруженнымъ ратникомъ“. Это помѣстье Налабенъ, какъ утверждаютъ издатели Памятниковъ, существуетъ и понынѣ въ видѣ колмской деревни того же названія, въ приходѣ Петерсвальдъ, близъ Мельзака ²⁾.

¹⁾ Ibid., 207—211.

²⁾ Барсуковъ.—Родъ Шеремет., I, 8.

Есть-ли этот Кабила то же самое лицо, о котором говорят Кампенгаузенъ и Колычевъ, и который, по преданію, былъ отцомъ Андрея Кобылы—ничего положительнаго сказать нельзя. Барсуковъ, напр., склоненъ отождествить упоминаемаго въ Памятникахъ Кабилу съ колычевскимъ Гляндой—Камбиллой¹⁾. Можетъ быть, онъ и правъ,—но навѣрное все же сказать нельзя.

Хотя и у Кампенгаузена, такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло лишь съ болѣе или менѣе вѣроятными положеніями и гипотезами, однако, по сравненію съ теоріей Петрова, у него мы находимъ то преимущество, что онъ не рубитъ съ плеча, не отвергаетъ преданій всецѣло, не прибѣгаетъ къ разнаго рода натяжкамъ и т. д., но совершенно правильно ищетъ ключа тамъ, гдѣ онъ сокрытъ, т. е. въ томъ же преданіи. Какъ бы преданіе ни представлялось фантастическимъ, въ основѣ его всегда почти лежитъ вѣрный историческій фактъ, лишь преувеличенный или искаженный суевѣріемъ и невѣжествомъ позднѣйшихъ поколѣній. Заслуга Кампенгаузена и состоитъ въ томъ, что онъ вѣрно указалъ этотъ ключъ въ вопросѣ о прапредкахъ Романовыхъ и совершенно правильно, по нашему мнѣнію, началъ отыскивать ихъ въ прусско-литовскихъ предѣлахъ, а не гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ (Новгородъ). Нашелъ-ли онъ дѣйствительнаго отца Андрея Кобылы въ Гляндѣ Камбилѣ или нѣтъ—это уже другой и второстепенный вопросъ. Важна основная точка зрѣнія, основной тезисъ, а въ этомъ отношеніи Кампенгаузенъ, производящій предковъ Андрея Кобылы именно отъ прусско-литовскихъ державцевъ, очевидно, ближе всѣхъ стоитъ къ исторической истинѣ.

IV.

Что касается позднѣйшихъ русскихъ историковъ, то они въ большинствѣ своемъ раздѣляютъ основное положеніе Кампенгаузена, какъ наиболѣе согласное съ духомъ вѣковыхъ преданій,—именно, что Андрей Кобыла по происхожденію своему былъ потомокъ какихъ-то прусскихъ вельможъ и, м. б., князей, переселившійся въ Россію единолично или [съ отцемъ своимъ. Кн. Петръ Долгорукій, авторъ „Россійской родословной книги“, такъ, напр., говоритъ о родоначальникѣ Шереметевыхъ, а вмѣстѣ—и Романовыхъ, какъ происшедшихъ отъ одного корня съ первыми: „Существуетъ преданіе, (къ опроверженію коего нѣтъ ни малѣйшаго повода), что родоначальникомъ Шереметевыхъ былъ знатный вельможа изъ земли прусской (West-Preussen), выѣхавшій изъ своего отечества въ Россію и принявшій Св. Крещеніе православной вѣры, между тѣмъ какъ, въ своемъ оте-

¹⁾ Ibid., 9.

чествѣ онъ происходилъ отъ фамиліи, нѣкогда бывшей владѣтельской“¹⁾). Последнее, добавляетъ князь, станетъ еще болѣе достовѣрнымъ, если припомнить, что сынъ этого знатнаго вельможи, Андрей Кобыла, былъ бояриномъ въ Москвѣ въ ту именно эпоху, когда этотъ санъ давался исключительно лицамъ знатнаго происхожденія²⁾).

Далѣе, уже цитированный нами авторъ „Рода Шереметевыхъ“ — А. П. Барсуковъ склоняется, какъ выше сказано, къ отождествленію колычевскаго Кабилы и Кабилы Варминскихъ Памятниковъ съ нашимъ лѣтописнымъ Кобылой,³⁾ слѣдовательно, тоже признаетъ въ принципѣ прусско-литовское происхожденіе Романовыхъ. Въ другой своей книгѣ г. Барсуковъ совѣтуетъ (по адресу Петрова) удѣлять болѣе вниманія разбираемымъ преданіямъ: „не тревожьте напрасно праха вѣковой легенды; не относитесь къ ней надменно“⁴⁾).

Костомаровъ также придерживается этого мнѣнія, называя Андрея Кобылу, согласно преданію, „выходцемъ изъ прусской земли“⁵⁾).

Наконецъ и В. О. Ключевскій принимаетъ на вѣру это, освященное вѣками, преданіе о прусско-литовскомъ происхожденіи Андрея Кобылы: „Давно, говоритъ онъ въ своихъ лекціяхъ, еще при вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ выѣхалъ въ Москву изъ „Прусскія земли“, какъ гласитъ родословная, знатный человекъ, котораго въ Москвѣ прозвали Андреемъ Ивановичемъ Кобылой“⁶⁾). То-же самое онъ выражаетъ и въ Боярской Думѣ: „Изъ Пруссіи (или) Кошкины (потомки Кобылы) съ отраслями своими“⁷⁾).

Резюмируя все вышесказанное, мы должны сдѣлать слѣдующее заключеніе относительно предковъ Андрея Кобылы, историческаго родоначальника фамиліи Романовыхъ. Такъ какъ преданія, идущія къ намъ изъ сѣдой старины, согласно указываютъ на прусско-литовскіе предѣлы, какъ на родину предковъ Андрея Ивановича, и — на прусско-литовскихъ владѣтельныхъ державцевъ, какъ на предковъ послѣдняго, и такъ какъ ни историческія событія того времени въ прусско-литовскомъ государствѣ, ни тѣмъ болѣе положительныя письменныя данныя не представляютъ никакихъ основаній къ недопущенію возможности переселенія отца Андрея Кобылы или его самого изъ Пруссіи въ Россію, — наоборотъ, политическое положеніе прусско-литовскихъ земель въ XIII вѣкѣ, ихъ завоеваніе нѣмецкими рыцарями, скорѣе подтверждаетъ преданіе объ этомъ переселеніи, равно какъ и въ письменныхъ памятникахъ старины мы находимъ скорѣе

¹⁾ Кн. П. Долгорукій. — Росс. род. кн., III, 494—495.

²⁾ Ibid.

³⁾ Родъ Шерemet., 9.

⁴⁾ Барсуковъ. — Общ. ист. и лит. рус. род., 55.

⁵⁾ Костомаровъ. — Руск. ист. въ жизн., отд. I, 729.

⁶⁾ Ключевскій. — Курск. рус. ист., III, 78.

⁷⁾ Ключевскій. — В. Д., 168.

подтвержденіе (хотя и косвенное) этого преданія, чѣмъ его опроверженіе: то, слѣдовательно, мы въ правѣ признать за истинную основную мысль преданія о прусско-литовскомъ происхожденіи Андрея Кобылы, который самъ, самостоятельно, или съ отцомъ своимъ оставилъ родину, погибшую подъ ударами крестоносцевъ, и поселился въ Москвѣ въ качествѣ служилаго московскаго вел. князя. Это было или въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка, какъ можно судить на основаніи фактовъ прусско-литовской исторіи и нашей лѣтописной даты—1347 г. Были-ли предки Андрея Кобылы у себя на родинѣ князьями—неизвѣстно, но одно несомнѣнно, что они были тамъ во всякомъ случаѣ очень знатными вельможами, такъ какъ иначе ихъ потомокъ—Андрей Кобыла—не могъ бы занять такого высокаго и почетнаго мѣста (бояринъ и свать великокняжескій), какое онъ занималъ въ Москвѣ.

Что касается разныхъ теорій о норманскомъ, аланскомъ и т. п. корнѣ этихъ предковъ Кобылы,—о Гландѣ Дивоновичѣ Камбилѣ, какъ отцѣ Андрея Кобылы—то все это должно признать только болѣе или менѣе удачными предположеніями, не имѣющими, однако, права на достовѣрность.

Наконецъ, считаемъ излишнимъ доказывать несомнѣнно—мистическій характеръ разныхъ Прутено, Войдевуда, Недрона и т. д., отъ которыхъ производятъ легендарное преданіе Андрея Кобылу, а чрезъ него—и Романовыхъ.

Историческое преданіе о происхожденіи Кобылы. — Прутено, Войдевуда, Недрона и т. д. — Романовыхъ. — Историческое преданіе о происхожденіи Кобылы. — Прутено, Войдевуда, Недрона и т. д. — Романовыхъ. — Историческое преданіе о происхожденіи Кобылы. — Прутено, Войдевуда, Недрона и т. д. — Романовыхъ.

Г Л А В А II.

I.

До сихъ поръ мы говорили о событіяхъ и лицахъ, не нашедшихъ себѣ мѣста въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ—лѣтописяхъ, и потому намъ приходилось вращаться по большей части въ сферѣ предположеній и вѣроятностей, лишь констатируя достовѣрность основного принципа сохранившихся сказаній и преданій, именно того, что свое происхожденіе извѣстные намъ изъ лѣтописей родоначальники Романовыхъ ведутъ изъ Пруссіи отъ какихъ-то владѣтельныхъ вельможъ. Теперь мы перейдемъ къ исторіи предковъ царя Михаила Ѳедоровича Романова, уже извѣстныхъ намъ изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ—изъ разныхъ лѣтописей нашихъ, памятниковъ дипломатическихъ сношеній, всевозможныхъ сказаній и т. д. Эти предки, слѣдовательно, являются уже безусловно историческими лицами, и притомъ—русскими, такъ какъ жизнь и дѣятельность ихъ проходить у насъ, въ русской землѣ.

Первымъ такимъ предкомъ фамиліи Романовыхъ былъ московскій бояринъ половины XIV вѣка, Андрей Кобыла, по отчеству—Ивановичъ, какъ гласятъ нѣкоторыя родословныя ¹⁾. Когда онъ переселился въ Россію—точно сказать нельзя. Вѣроятно—въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка. Какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ принятъ на службу московскими князьями—тоже ничего неизвѣстно. Наши лѣтописи упоминаютъ о немъ всего лишь одинъ разъ, подъ 1347 годомъ, когда онъ, Андрей Кобыла, по порученію вел. кн. московскаго Семена Ивановича Гордаго, ѣздилъ въ качествѣ великокняжескаго посла въ Тверь за невѣстой вел. князя княжной Маріей Александровной, дочерью велик. кн. тверскаго Александра Михайловича. „Въ лѣто 6855,—читаемъ мы,—женися князь великій Семень Ивановичъ въ третіе, поя за ся княжну Марію Александровну тверскаго князя; а ѣздили по нее Андрей Кобыла да Алексѣи Босоволковъ“ ²⁾. Но и по одному этому случаю видно, что Андрей Кобыла былъ изъ числа самыхъ приближенныхъ къ великому князю сановниковъ—боярѣ. Высокое положеніе Андрея Кобылы при дворѣ вел. кн. московскаго подтверждаетъ лишь наше мнѣніе о его знатномъ происхожденіи.

¹⁾ Напр., родословная по списку Синод. Библиотеки.—Временн. 1851., X, 86.—Нѣкоторыя же родословныя, какъ мы уже указывали, называютъ его по отцѣ—Михайловичемъ.

²⁾ П. С. Р. Л., VII, 210.